

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Я.А. Пляйс

Plyais Y.A. Political science in Russia: the past and the present. The author is the most competent, successful and recognized by the community of political scientists' historiographer of political science in Russia. The article deals with origins and main formation stages of Russian political science and some results of its development. The article contains the latest information about the quantity and content of dissertations on political problems. It's not surprising as the author is vice-president of the Higher Certifying Commission advisory committee in political science.

I. ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

До начала 90-х гг. XX века в России не существовало систематизированной политической науки. За сто лет до этого, в конце XIX – начале XX вв., когда эта новая общественная наука активно утверждалась в США и во многих странах Европы, в России началось формирование лишь некоторых направлений политической науки и, прежде всего, то, которое было связано с государственностью. Именно на этом направлении работали Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и некоторые другие российские ученые. Что же касается других направлений, которые уже активно осваивались на Западе (например, таких, как: *политическая власть и ее социальные основы; теория элит; типология политических и партийных систем; политические режимы; политические идеологии; гражданское общество и др.*), то к ним в России даже не приступали. И не могли приступить. В условиях царского самодержавия это было невозможно. Исключением из правила можно, пожалуй, считать научное творчество М.Я. Острогорского, основательно занимавшегося проблемами демократии и политических партий.

Нет также достаточных оснований считать точкой отсчета *современной* политической науки те попытки, которые предпринимались в 60-е гг. и в последующие два десятилетия группой советских ученых-обществоведов. В эту группу входили Ф. Бурлацкий, А. Румянцев, Г. Осипов, Ю. Левада, Б. Грушин, Г. Шахназаров, О. Богомолов, Г. Арба-

тов, Ф. Петренко, М. Титаренко и некоторые другие ученые-гуманитарии. Нисколько не умаляя значения того, что сделали эти талантливые ученые в условиях, весьма неблагоприятных для свободного научного творчества, следует все же заметить, что в ситуации идеологического единообразия, господствовавшего в СССР в эти самые десятилетия, зарождение подлинной политической науки не могло состояться по определению.

Несмотря на неблагоприятную атмосферу, рождение политической науки и ее институционализация состоялись еще в советское время. И произошло это не без согласия политической, или, точнее говоря, партийной элиты страны. Именно по воле высшего партийного ареопага 13 марта 1987 г. увидело свет совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за № 327, которое предписывало Государственному комитету СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) совместно с Министерством высшего и среднего образования СССР, Академией наук СССР с участием заинтересованных министерств и ведомств СССР «пересмотреть и утвердить номенклатуру специальностей научных работников, по которым должна проводиться подготовка докторов и кандидатов наук, в соответствии с новым перечнем специальностей по подготовке специалистов с высшим образованием и с учетом развития новейших направлений науки и техники» [1] (подчеркнуто мной. – Я. П.). Кроме абстрактного и вполне традиционного указания на учет развития наиболее новых направлений науки и техники в цитируемом постановлении не было больше ни одной, так сказать, зацепки, которая позволила бы заинтересованным и современно мыслящим людям добиться включения в номенклатуру специальностей те из них, которые относятся к политическим нау-

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 05-03-01108а.

кам. Этому едва ли способствовал и п. 85 того же постановления, в котором указывалось на необходимость «наряду с углубленной подготовкой аспирантов и соискателей ученой степени по специальным дисциплинам, марксистско-ленинской философии, иностранному языку, предусмотреть также изучение педагогики, психологии, экономики, применения вычислительной техники, методов математического моделирования и других дисциплин (подчеркнуто мной. – Я. П.) с учетом профиля подготовки аспирантов и соискателей со сдачей ими соответствующих экзаменов по месту обучения» [1, с. 495, п. 85]. И в этом пункте, как мы видим (равно как ни в одном другом), нет даже намека на политическую науку.

Тем более удивительным кажется сейчас тот факт, что в постановлении ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. за № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников» были внесены следующие специальности по политическим наукам: 23.00.01 – «Теория и история политической науки»; 23.00.02 – «Политические институты и процессы»; 23.00.03 – «Политическая культура и идеология»; 23.00.04 – «Политические проблемы международных систем и глобального развития». По специальности «Политические науки», но в разделе «социологические науки» в том же постановлении проходили еще две специальности: 22.00.05 – «Социально-политические процессы, организация и управление» и 22.00.07 – «Общественное мнение» [2].

В преамбуле упомянутого выше постановления ГКНТ СССР делалась ссылка на постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 327 от 13 марта 1987 г. и в п. 1 говорилось следующее: «Утвердить номенклатуру специальностей научных работников, уточненную и дополненную совместно с Государственным комитетом СССР по народному образованию, Высшим аттестационным комитетом при Совете Министров СССР, Академией наук СССР и другими заинтересованными министерствами и ведомствами СССР, согласно Приложению № 1» [2].

По приказу ВАК при СМ СССР за № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Таков официальный путь вхождения политологии в большую российскую науку, обретения ею гражданства.

После утверждения номенклатуры специальностей прошло около полутора лет, прежде чем состоялись первые защиты кандидатских и докторских диссертаций. Интересно отметить, что вначале (в 1990 г.) состоялись первые защиты докторских диссертаций, а затем – в 1991 г. – начались защиты кандидатских диссертаций. Первые специализированные диссертационные советы были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР. Некоторые существующие специализированные советы по историческим, философским, юридическим и социологическим наукам получили право принимать к защите диссертации по политическим наукам (при условии пополнения этих советов соответствующими специалистами).

Вскоре после этого, начиная со второй половины 1991 г., в вузах России стали создаваться кафедры политологии, преподаваться учебная дисциплина – «Политология». В ряде научно-исследовательских институтов были открыты отделы или сектора политологии. В январе 1991 г. увидел свет первый номер журнала «Политические исследования» («ПОЛИС») – специализированный журнал по политологии. Вскоре стали появляться и первые учебники по этой новой дисциплине, читаться первые лекционные курсы, проводиться научные семинары, конференции и т. п. «Одним словом, – отмечал в одной из своих публикаций 1993 г. известный ныне ученый-политолог академик РАН Ю.С. Пивоваров, – политическая наука обрела в нашей стране легальный статус. Это, правда, не означает, что процесс становления политологии как самостоятельной обществovedческой дисциплины завершился. Нет, до этого еще далеко. Однако покончено с той двусмысленной ситуацией, когда не ясно, принимаем ли мы политологию, согласны ли мы с тем, что это особая наука со своим собственным предметом и методологией исследования, со своим теоретическим инструментарием и понятийным аппаратом, наконец, со своими классиками, школами, направлениями и т. д. Теперь ясно – да, принимаем, да, согласны.

Вообще же легализация политической науки в 1989 г. стала последним актом в за-

тянувшейся истории признания этой обществоведческой дисциплины. Первым шагом на этом пути было создание в декабре 1960 г. Советской ассоциации политических наук (САПН). Вторым – проведение в Москве в 1979 г. XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук (МАПН). Надо сказать, что и создание САПН, и московский конгресс МАПН чрезвычайно благотворно отразились на развитии политологии. В особенности это касается конгресса в 1979 г., в ходе подготовки и проведения которого, с одной стороны, советские политологи продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень, а с другой, – оказавшись «лицом к лицу» с ведущими учеными мира, получили сильнейший импульс для дальнейших исследований. Однако «звездный час» политической науки в нашей стране настал лишь в годы перестройки, когда в ней возникла практическая потребность. Именно во второй половине 80-х годов политология из «науки для науки» стала наукой «востребованной», достижения которой необходимы для решения насущных задач сегодняшнего дня» [3].

Начало политической науки в СССР было положено, как обоснованно отмечал Ю.С. Пивоваров, еще в 1960 г. и оно, это начало, не могло бы состояться, если бы не хрущевская «оттепель», во время которой повеяли, хотя и слабые, но все-таки вольные идеологические ветры. Следующий «шажочек» был сделан в середине 60-х гг., уже после «оттепели». Именно тогда молодые вольнодумствующие ученые: Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов, О. Богомолов, А. Бовин, Л. Делюсин, Ф. Петренко, Г. Шахназаров, Г. Герасимов, М. Титаренко и другие, которые уже упоминались выше, входившие в группу консультантов в одном из отделов ЦК КПСС, предложили «узаконить» политическую науку в СССР. О том, как это происходило, рассказал в своей статье «Политическая наука в России» Ф.М. Бурлацкий, председатель Научного совета по политологии при Президиуме Российской Академии наук [4]. Как же складывалась ситуация в те далекие годы? Сегодня есть смысл воспроизвести, хотя бы кратко, канву событий тех лет.

5 января 1965 г. в газете «Правда» появилась статья Ф. Бурлацкого «О политической науке». Но под таким названием статья

вышла в первом, раннем, выпуске газеты, направляемом на периферию. В московском же издании название было изменено главным редактором газеты на другое – «Политика и наука». В тексте статьи, как вспоминает Бурлацкий, сохранился призыв к созданию самостоятельного научного направления «Политическая наука». «Мотивы этого выступления, – пишет Бурлацкий, – были связаны не столько с наукой или преподаванием, как с политикой. Это была некая претензия на обретение права учеными, интеллектуалами выдвигать, формулировать новые идеи реконструкции нашего государства на общечеловеческих ценностях, на принципах демократии и свободы».

Реакция зарубежных, в частности, американских корреспондентов на публикацию в «Правде» была скорой и чрезмерной. Они оценили ее как попытку Бурлацкого и его коллег создать новую науку, чтобы «сокрушить догматический научный коммунизм».

Нетрудно представить себе, как восприняли эту реакцию в партийном истеблишменте КПСС. Уже летом того же, 1965 г. в газетном обзоре «Правды» предлагалось отказаться от названия «Политическая наука», так как «все марксистские науки – политические», и обсудить вопрос о политологии главным образом как преподавательской дисциплине.

Вторая попытка основать политическую науку в СССР, по воспоминаниям Бурлацкого, была предпринята в 1969 г. В этом году вице-президент Академии наук СССР Алексей Румянцев основал в ее рамках целую систему новых гуманитарных институтов. Поддержав группу молодых социологов, состоявшую из Г. Осипова, Ю. Левады и Б. Грушина, он основал и возглавил Институт конкретных социологических исследований. В его рамках было создано направление политической науки, которое возглавил Бурлацкий, ставший заместителем Румянцева. Институт просуществовал около трех лет, после чего он был разогнан. «Однако работа по формированию отечественной политической науки не прекратилась, – пишет Бурлацкий. – Публиковались книги, статьи, в которых разрабатывались категории новой науки. Именно в 70-х гг. у нас вошли в оборот понятия «политическая система», «политическая культура», «политический процесс», «лидер-

ство и элита», «теория принятия решений», «теория международных отношений».

Важным импульсом к утверждению политической науки в СССР, как самостоятельной науки, стал Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки (IPSA), проведенный в Москве в 1979 г., о котором упоминает Ю.С. Пивоваров. Советская ассоциация политических наук, президентом которой был Г.Х. Шахназаров, представлявшая собой одну из первых крупных ассоциаций, участвовавших в становлении международного политологического сообщества в лице IPSA, приняла активное участие в организации и проведении этого конгресса. При этом она опиралась не только на Академию наук, но и на сеть отраслевых и страноведческих академических институтов и, в частности, таких как Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт Востоковедения, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и другие. К концу 70-х гг. все эти институты превратились в признанные исследовательские центры, сыгравшие важную роль в становлении политической науки в СССР, а затем в новой России [5].

При всей важности той работы, которая была проделана в 60-е и 70-е гг., едва ли можно утверждать, что в то время у нас зародилась полноценная системная политическая наука. Начало такой науке было положено лишь в конце 80-х гг., т. е. в годы перестройки. Без общих перемен, которые в эти годы начали происходить в области общественных наук, не могло быть и зарождения политической науки. «Однако «звездный час» политической науки в нашей стране настал лишь в годы перестройки, когда в ней возникла практическая потребность, – обоснованно отмечал Ю.С. Пивоваров. – Именно во второй половине 80-х гг. политология из «науки для науки» стала наукой «востребованной», достижения которой необходимы для решения насущных задач сегодняшнего дня»¹.

¹ Основные идеи, изложенные в предисловии к сборнику [3] по поводу становления политической науки в России, Ю.С. Пивоваров повторил и в статье «Об «истоках и смысле» политической науки в России», опубликованной издательством «Весь мир» в альманахе «Форум» – 2000 «На рубеже веков». Общая, или сквозная, линия этой статьи такова: «Нельзя

Подводя черту под размышлениями об этапах становления и развития политической науки в нашей стране, отмечу следующее.

Во-первых, *мнения о зарождении и этапах развития отечественной политологии заметно различаются*. Одной из причин этих расхождений являются, на мой взгляд, различные точки зрения на то, что такое наука вообще и общественная, в частности. Если исходить из того, что любая наука – это *система знаний по определенному предмету*, опирающаяся на прочный теоретический фундамент, надо будет признать, что до начала 90-х гг. XX в. в России науки под названием «политическая» не существовало (если, конечно, не подменять российскую политологию зарубежной, вполне уже сформировавшейся к середине XX в.). В России же этой науки не могло быть по определению, *поскольку полностью отсутствовала национальная теоретическая база – неотъемлемая часть любой общественной науки в любой стране*. Именно эта часть не только существенно дополняет международную, или транснациональную часть теории, но и является определяющей, ключевой в понимании надстроечной, или прикладной части науки, обращенной к конкретному обществу. В качестве последней выступают конкретные научные направления, или эмпирические, прикладные исследования, связанные с определенными аспектами реальной общественной или гуманитарной жизни в конкретной стране.

Из чего же складывается теоретическая основа, или, образно говоря, тот почвенный гумус, который способствует ее развитию и питает науку? Из интернациональной части, а также национальной. Последняя складывается из достижений политической мысли конкретной страны не менее сложно и долго (многие десятки лет), чем первая. У нас в России она была и остается недостаточно развитой и объективно не может быть развитой, хотя бы из-за краткости самостоятельно-

редуцировать историю российской политической науки к 90-м годам» (с. 227), «десятилетка» официальной политической науки в России покоится на не менее чем двухсотлетнем (на самом деле, еще большем, но в этом тексте ограничим себя этим временным отрезком) фундаменте» (с. 229). Развитие русской политической мысли, начиная с Н.М. Карамзина, Ю.С. Пивоваров относит к предполитологии. Из этой мысли, по его мнению, «можно извлечь политическую науку по-русски» (с. 244).

го существования политической науки в нашей стране. Первая же, т. е. международная часть, при всей ее важности (особенно с точки зрения методологии), слабо применена к нашей стране, как, впрочем, к любой другой. Особенно к тем, которые принципиально отличаются по своему политическому устройству или находятся в транзитном состоянии.

На слабой теоретической базе не могут достаточно успешно развиваться и *конкретные* научные направления и школы, связанные с ними, не говоря уже о прикладной части науки, которая нередко принимает весьма уродливые формы, не имеющие ничего общего с подлинной наукой. Для подтверждения этой мысли достаточно сослаться на те формы черного пиара, которые пышным цветом расцвели в России еще недавно. Одна из основных причин этого процветания – слабая теоретическая база науки и неразвитость научных школ, обязанных питать прикладную часть.

Принципиально иначе дело обстоит с точными и естественными науками, которые по своей сути и природе универсальны и транснациональны, несмотря на существование национальных школ и различия в подходах к тем или иным вопросам.

В конце 80-х гг. XX в., в момент признания и институционализации политологии в СССР, не было другого выхода, кроме как заимствовать не только ее интернациональный (фактически западный) теоретический фундамент, но и учебники целиком. Через пятнадцать лет ситуация хотя и изменилась, но еще не настолько, чтобы иметь все основания утверждать: у отечественной политологии есть национальная теоретическая база.

Но если отечественной политологии не было, что же тогда у нас было?

Была *предполитология* с более или менее развитыми отдельными направлениями. В 90-е гг. XX в. к ним постепенно, через наращивание знаний, прибавлялись и продолжают прибавляться недостающие или новые.

Во-вторых, те этапы развития научных знаний, о которых говорилось выше, были не чем иным, как этапами развития отдельных конкретных направлений *политической мысли*, которую нередко воспринимают и преподносят как системную, сложившуюся политическую науку. Без наращивания знаний на этих направлениях не будет потом и са-

мой науки, как системы знаний по определенному предмету. И в этом смысле эти направления выступают как конструкции и блоки, из которых постепенно воздвигается здание науки в целом.

В-третьих, определяя момент институционализации нашей политологии 1989 г., как момент ее официального рождения, и признавая, что за прошедшие годы она в целом преодолела этап становления, нельзя в то же время полностью встать на сторону тех наших ученых-обществоведов, которые полагают, что политической науки в сегодняшней России, нет и что она все еще преодолевает этап предполитологии.

Чтобы основательнее разобраться в том, когда заканчивается этап, предшествующий системной науке, и начинается этап науки как таковой, рассмотрим, что лежит в основе первого состояния и второго и почему в одних странах одна и та же общественная наука появляется раньше, а в других – позднее. Для того чтобы глубже понять эту проблему, рассмотрим сначала, каковы *причины и предпосылки возникновения новой общественной науки?*

Важнейшей причиной этого феномена, с нашей точки зрения, является та потребность, которую испытывает общество и государство, осознающие в какой-то исторический момент, что такая наука необходима для решения насущных проблем развития.

Эта потребность вырастает из тех качественных социально-политических и экономических сдвигов, которые происходят в стране. Иначе говоря, *развитие общественных процессов вызывает к жизни и новые общественные науки*, так как именно эти процессы – самый явный индикатор нового состояния и одновременно новых потребностей общества, которые требуют осмысления и изучения. «Отечественная политология, – отмечал в одной из своих публикаций Ф.М. Бурлацкий, – родилась из потребности реконструкции, в конечном счете – замены старой тоталитарной политической системы новой – демократической» [6].

В качестве примера можно сослаться на политическую социологию, которая и сегодня воспринимается в некоторых странах именно как политическая наука¹. По общему

¹ В подтверждение примера сошлось на университетский учебник «Политическая социология», авто-

признанию, эта наука явилась продуктом Великой Французской революции. Европейские революции середины XIX в. и гражданская война в США, бушевавшая в это же время, настолько изменили политическую жизнь в этих странах, так значительно расширили число политических субъектов (появились республики с тремя ветвями власти, многопартийность, многопартийные парламенты, структуры гражданского общества и т. д.), так сильно изменили условия их существования и деятельности, что не отразиться на научной сфере, занимающейся обществом и человеком, это не могло. В СССР и России такими же радикальными, фактически революционными процессами были перестройка и постперестройка. Первая из них подготовила почву для социальной революции, а вторая ее совершила. Это сделало политическую науку у нас востребованной. Поэтому можно обоснованно говорить о том, что политология, как и другие общественные науки, – это продукт социальных сдвигов и, прежде всего, демократизации общественной жизни.

Немаловажной объективной причиной возникновения новой науки может служить и внешний фактор, т. е. существование такой науки в более развитых странах и тот авторитет, который она завоевала в этих странах. Однако без подготовленной национальной почвы инородное растение едва ли приживется.

Субъективной причиной возникновения новой общественной науки является стремление определенных властных и научных кругов, убежденных в ее необходимости и пользе для общества, открыть новое направление научной деятельности. Внешний фактор и в этом случае может играть значительную (если не определяющую) роль. В СССР роль субъективного фактора сыграла группа партийных деятелей – реформаторов и молодых ученых, которые упоминались выше.

ром которого является профессор Института политических наук во Франции Доминик Кола. Во Франции этот учебник был опубликован в 1994 г., а в России – в 2001 г. издательством «Весь мир». На с. 7 читаем: «Политическая социология под именем политической науки появилась, если отвлечься от ее полной истории, в Греции и существовала, постоянно меняясь, временами уходя в тень или исчезая, приспосабливаясь к изменениям социальных и политических условий». Доминик Кола определяет политическую социологию как науку о современной политике.

Но одних причин (внутренних и внешних) явно недостаточно, чтобы новая наука возникла. *Для этого нужны еще соответствующие благоприятные предпосылки и условия.* К предпосылкам относятся, прежде всего, те радикальные социально-политические и экономические сдвиги и перемены, которые происходят в стране. Другой непременной предпосылкой возникновения новой общественной науки являются также *те знания, которые накопились ранее в других науках.* В случае с политологией это была политическая мысль, которая развивалась даже не сотни, а тысячи лет, те знания о политической жизни, которые накапливались и наращивались философией, историей, правом, социологией, другими общественными науками и которые были связаны, прежде всего, с политической властью, государством, правителями и т. д.

Предпосылки являются своеобразным импульсом, или, образно говоря, детонатором, высвобождающим энергию, накапливающуюся порой не только десятилетиями, а столетиями.

Важнейшим *условием* для возникновения политической науки является демократизация общественно-политической жизни. Именно она создает базу для достаточно объективного изучения деятельности политических субъектов, начиная с первых лиц государства и заканчивая местными властями. В условиях авторитаризма и тем более тоталитаризма об объективности не может быть и речи. Это означает, что не может быть речи и о науке, так как объективность – важнейшая ее основа. Именно по этой причине политология не могла возникнуть и легализоваться у нас в годы большевизма. Да и в годы царского самодержавия, фактически авторитарного правления, условий для развития свободолобивых общественных наук было явно маловато.

Таким образом, причины, благоприятные предпосылки и условия дают в совокупности то, что необходимо для возникновения и утверждения всякой новой общественной и гуманитарной науки.

После всего сказанного должно быть достаточно ясно, почему политическая наука возникла в нашей стране в конце 80-х гг. прошлого века. Потому что именно к этому времени для этого сформировались не только

объективные и субъективные причины, но и образовались соответствующие предпосылки и условия.

Однако без воли политической власти, или, точнее говоря, без решения правившей в то время партийной элиты это не могло бы состояться¹.

II. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ ЗА 15 ЛЕТ

В 2005 году исполнилось 15 лет с тех пор, как в России состоялись первые защиты докторских диссертаций по политическим наукам, а в 2006 г. – 15 лет с момента начала защит кандидатских диссертаций. Для становления новой для нашей страны науки и обретения собственного национального лица 15–16 лет – срок совсем небольшой. Этого времени маловато и для становления политологии как учебной дисциплины, в частности, в системе вузов.

Тем не менее, за прошедшие годы отечественная политология *преодолела этап становления и вступила в **новый период – устойчивого развития***. Однако процесс этот был далеко не простой и не гладкий. О том, как он развивался, какие проблемы приходилось решать и какие трудности преодолевать, нам уже неоднократно приходилось писать в самых разных изданиях и в том числе в Бюллетене ВАК².

¹ Достаточно подробно об этом рассказано в статье известного английского политолога, профессора, члена Британской Академии, Арчи Брауна «Политическая наука в СССР. Новый этап развития?», опубликованной в 1984 г. в журнале «Soviet studies» (Brown A. Political Science in Soviet Union: a New Stage of Development? // Soviet studies. 1984. V. 36. № 3. P. 317-337). Реферат этой статьи опубликован в журнале «Политическая наука», № 1 за 2001 г. Другим источником может служить статья профессора М.В. Ильина «Отечественная политология: Осмысление традиции», опубликованная в том же номере журнала «Политическая наука».

Полезные сведения можно почерпнуть и в статье профессора Ф.М. Бурлацкого «Политическая наука в России», опубликованной 5 февраля 1998 г. в «Независимой газете».

² См., например, следующие статьи: Пляйс Я.А. Состояние и проблемы становления российской политической науки // Бюллетень ВАК. 1998. № 3; Он же. Состояние и проблемы становления российской политической науки // Информационный бюллетень РАПН первому Всероссийскому конгрессу политологов. М.: РОССПЭН, 1998; Он же. Отечественная политическая

Наряду с обширной конкретной статистикой, содержащейся в каждой из статей, перечисленных в сноске, в них говорилось и об основных проблемах, которые предстояло в те годы решить российскому политологическому сообществу. Чтобы выявить, что было достигнуто, а что нет за прошедшие годы, коротко повторю, о чем шла речь в ранее опубликованных статьях.

А речь в них шла, в частности, о том, что после преодоления в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века этапа возрождения и вступления в период становления, *необходимо создавать собственную теоретическую базу*. Эта база (наряду с общемировой основой) должна стать прочным фундаментом для развития науки в целом и прикладных исследований в том числе.

В предыдущих статьях говорилось и о том, что наряду с двумя крупными центрами политической науки, которые по меркам исторического времени достаточно быстро образовались в Москве и Санкт-Петербурге – в МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской академии государственной службы при Президенте РФ и Санкт-Петербургском госуниверситете – необходимо формировать подобные

научные центры в диссертационном зеркале // Полис. 1998. № 2; Он же. От политической мысли к политической науке // Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности. М.: Изд-во МГУП, 1999; Он же. Политическая наука России в 1998 г.: что нового? // Полис. 1999. № 3; Он же. Политическая наука в России: тенденции и проблемы // Бюллетень ВАК. 1999. № 5; Он же. Политическая наука в России в 1998 году на фоне предыдущих семи лет // Бюллетень ВАК. 1999. № 5; Он же. Нужна ли России политическая наука? // Полис. 2000. № 3; Он же. Этапы становления и основные направления развития политической науки в России // «Форум-2000». На рубеже веков. М.: ИСП РАН; «Весь мир», 2000; Он же. Политическая наука в России в 1999 г. // Бюллетень ВАК. 2001. № 1; Он же. Политология в России: итоги первого десятилетия развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3; Он же. Политология и актуальные проблемы политической жизни современной России. М.: Город, 2002; Он же. Отечественная наука о политике на рубеже XX и XXI вв. // Полис. 2002. № 2; Он же. Политическая наука в России на рубеже веков // Бюллетень ВАК. 2003. № 4; Он же. К вопросу о периодизации и современном состоянии политической науки в России // Ежегодник РАПН. 2004; Он же. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005; Он же. От становления к устойчивому развитию. Некоторые итоги развития политической науки в России за 15 лет. М.; Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.

центры и в регионах. В моей статье, опубликованной в 2003 г., говорится о том, что такие центры начали формироваться в Саратовском государственном университете и Северо-Кавказской академии государственной службы в Ростове-на-Дону.

К основным нерешенным проблемам и задачам отечественной политологии я в свое время относил следующие:

- недостаточное представительство женщин в политологическом сообществе и в политической науке, в частности;
- слабая связь с зарубежными политологическими школами и центрами, в том числе в рамках СНГ;
- недостаточно развитая сеть подготовки профессиональных политологов;
- слабая востребованность результатов научных политологических исследований властными структурами;
- неадекватное развитие политической науки и подготовки научных кадров политологов в институтах системы РАН.

Все перечисленные выше проблемы имели под собой определенные причины объективного и субъективного свойства. Среди объективных причин на первом месте стояла и стоит сегодня, конечно, молодость нашей науки. Нельзя, разумеется, все проблемы решить сразу, возвести стены, и крышу здания, не построив фундамента. Не создав необходимую для любой науки инфраструктуру (фундамент) – подготовку профессиональных кадров, аспирантуры,

докторантуры, диссертационные советы, профессионально ориентированные периодические издания и пр. – нельзя помышлять о том, что возникнут научные школы и центры, будут развиваться научные направления, что разовьется теоретическая и прикладная части науки и т. д. Среди субъективных причин приоритетное значение имеет, пожалуй, отношение к нашей науке со стороны властей разного уровня. Далеко не всегда результаты исследований профессиональных политологов (не дилетантов) востребованы властными структурами.

Несмотря на указанные и другие причины, развитие политической науки в России во все прошедшие годы шло достаточно уверенно и, в целом, по нарастающей. В подтверждение этого тезиса приведем некоторые цифры и факты. Речь пойдет, прежде всего, о количественных показателях – о росте числа защит кандидатских и докторских диссертаций.

О чем говорят данные, приведенные в таблице 1?

Во-первых, о том, что число и кандидатских, и докторских диссертаций и, соответственно, оспетченных кадров ученых-политологов устойчиво растет. При этом заметно быстрее растет число защищенных кандидатских диссертаций. Однако соотношение между числом кандидатских и докторских диссертаций (~ 5,5 раза) в политологии несколько меньше, чем в других науках (7–10 раз).

Таблица 1

Рост числа защит кандидатских и докторских диссертаций

Годы	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	Итого за 10 лет	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006.01–06	Итого 2000–2006	Итого за все годы
Кол-во докторских диссертаций	3	10	14	13	13	20	22	25	28	27	175	40	36	39	32	49	40	18	254	429
Кол-во кандидатских диссертаций	0		188			56	69	74	76	140	603	220	170	233	264	310	325	212	1734	2337
Общее кол-во	3		238			76	91	99	104	167	778*	260	206	272	296	359	365	230	1988	2766**

* В это число включены и иностранцы, однако, их доля очень незначительна.

Такое развитие процесса вполне естественно, поскольку в его основе лежит постепенный рост количества отделений и факультетов, занятых подготовкой профессиональных политологов, а также рост числа аспирантур и докторантур, а также, кроме того, более интенсивная работа диссертационных советов в наших ведущих вузах и академических центрах. При этом число диссертационных советов также заметно выросло, что подтверждается следующими цифрами и фактами. Из 26 докторских диссоветов, действовавших до начала июля 2000 г., т. е. до реорганизации сети диссертационных советов, 22 работало в вузах и НИИ г. Москвы, а остальные 4 – в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге (по 2 совета). Из 27 кандидатских советов 16 работало в вузах и НИИ г. Москвы, а остальные 11 – в Санкт-Петербурге, Воронеже, Казани, Орле, Саратове, Уфе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Владивостоке.

Реорганизация сети диссертационных советов, проведенная в 2000–2001 гг., привела к заметному изменению общей картины, как в географии советов, так и в их статусе, особенно в регионах России. По данным на начало 2002 г., число докторских советов в г. Москве увеличилось с 26 до 28, а число кандидатских советов, наоборот, уменьшилось – с 16 до 6. Общее же число советов в г. Москве сократилось с 42 до 34.

В регионах, включая Санкт-Петербург, ситуация также изменилась. Здесь число докторских советов выросло в несколько раз: с 4 до 14, а число кандидатских сократилось с 11 до 10. В целом же число советов в регионах увеличилось с 15 до 24.

В общей сложности в Российской Федерации (на начало 2002 г.) действовало 42 докторских совета и 16 – кандидатских по политическим наукам. Общее же число советов несколько увеличилось – с 53 до 58. Это произошло за счет резкого роста числа докторских советов, что можно однозначно характеризовать как положительное явление.

В конце сентября 2005 г. картина выглядела иной.

В вузах и НИИ г. Москвы на этот момент действовало в общей сложности 39 советов, из них 31 – докторский (в вузах – 18 и в НИИ – 13) и 8 – кандидатских (все в вузах). В российских регионах работало 28 советов, из которых 5 – в Санкт-Петербурге. Большинство из

этих 28 советов, а именно 17, имело статус докторских, а остальные 11 – кандидатских.

В целом же по Российской Федерации осенью 2005 г. работало 67 диссертационных советов, из которых 48 были докторскими, а 19 – кандидатскими. К ним надо прибавить два кандидатских совета, работающих в странах СНГ. Это советы в Кыргызско-Российском Славянском университете в г. Бишкеке и в Таджикском государственном педагогическом университете им. К. Дзураева в г. Душанбе. Срок функционирования 50 советов из 67 был определен на период действия научной номенклатуры, у остальных 17 он заканчивается 31 декабря 2006 г.

Таким образом, по сравнению с 2000 г. общее число диссертационных советов по политическим наукам в России к концу 2005 г. выросло с 53 до 67. При этом число докторских советов выросло с 26 до 48, или почти в два раза, а кандидатских, наоборот, уменьшилось – с 27 до 19. Значительный рост числа докторских советов произошел, прежде всего, за счет преобразования кандидатских советов в докторские в г. Москве (было 16 кандидатских, осталось 8). Регионы также оказались охваченными процессом «докторизации». Если в 2000 г. в регионах было всего 4 докторских совета, то в 2005 г. – уже 17 (рост в 4 с лишним раза). Многие из них также выросли из кандидатских. Количество же кандидатских советов в регионах осталось прежним – 11, и произошло это в основном за счет вновь образованных.

Рост общего числа советов произошел главным образом за счет возникновения новых советов в регионах. В то время как в г. Москве за 5 лет прибавился всего 1 совет (было 38, стало 39), в регионах – 13 (было 15, стало 28).

Возникает вопрос, как в целом относиться ко всем этим процессам? На мой взгляд, как к весьма позитивным. И с точки зрения увеличения числа советов (в том числе докторских), особенно в регионах, и с точки зрения трансформации кандидатских советов в докторские, и с точки зрения роста числа защищаемых диссертаций. В общем, все эти процессы говорят о *естественном, поэтапном и достаточно динамичном развитии новой для нас политической науки и той инфраструктуры, которая для этого необходима*. Что же касается ситуации в столице, то

она также вполне объяснима. И преобразование кандидатских советов в докторские, и рост числа докторских защит – все говорит о том, что политическая наука в Москве поднялась на более высокую ступень, чем в целом по стране, и еще о том, что основные центры – МГУ им. М. В. Ломоносова и Российская академия государственной службы при Президенте РФ по-прежнему возглавляют движение. Иллюстрацией к последнему утверждению служит таблица 2, в которой показано, сколько докторских диссертаций было защищено в 2004 и 2005 гг. в целом и в МГУ, и РАГС, в частности.

К сказанному хотелось бы добавить несколько фактов и замечаний.

Во-первых, абсолютное большинство диссоветов работает по научной дисциплине 23.00.02 – «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» (57 из 67). Так было и в предыдущие годы, и это не случайно. Прежде всего, потому, что ее широкий, фактически четырехаспектный диапазон позволяет вместить в нее самые различные исследовательские темы. Поэтому и основное число защищенных диссертаций (более трех четвертей, что значительно больше, чем раньше (~60 %)), проходит именно по этой специальности. После объединения в 2000 г. этой специальности, именованной «Политические институты и процессы», с другой – 23.00.05 – «Международные процессы и институты» – а также со специальностью 23.00.03 – «Политическая культура и идеологии», она стала едва ли не всеобъемлющей и универсальной. Слияние, на мой взгляд, нанесло определенный ущерб и этой специальности (и, соответственно, научному направлению), и остальным, слитым с нею, а также политической науке в це-

лом. О номенклатуре научных специальностей и предложениях нашего экспертного совета по этому поводу речь впереди.

По другим действующим политологическим специальностям – 23.00.01 и 23.00.04 – работает значительно меньше диссоветов: по первой из названных – 27, а по второй – 24.

Во-вторых, отметим, что крайне мало диссоветов работает только по одной специальности. Таких советов всего 4 и все они находятся в регионах: в Воронежском, Пермском госуниверситетах и Ярославском госуниверситете им. П. Г. Демидова, а также в Поволжской академии государственной службы (3 последних совета – кандидатские). Все остальные 63 работают либо по 2–3 политологическим специальностям (как правило, по 01-й и 02-й), либо сочетают политологические с историческими, социологическими или юридическими, что также, как представляется, обоснованно. И потому, что состав всех советов достаточно квалифицированный, чтобы работать по различным специальностям и по различным (но родственным) общественным наукам, и потому также, что их загруженность и, соответственно, эффективность работы заметно выше. Полезно это и для самих ученых, входящих в советы.

В-третьих, из 13 докторских советов, действующих в институтах РАН, только лишь в 4-х (Институте востоковедения РАН, Институте государства и права РАН, Институте философии РАН и Институте философии и права УРО РАН) к защите принимаются диссертации по 01-й специальности. Во всех остальных – либо по 02-й (в девяти), либо по 04-й специальности (в шести) в сочетании с историческими науками (в восьми по всеобщей истории – 07.00.03) или социологическими.

Таблица 2*

Количество защищенных докторских диссертаций

Годы	Москва	С-Пб.	Регионы	СНГ	В т. ч., МГУ	В т. ч., РАГС	В т. ч., в других вузах	В т. ч., в институтах РАН	Итого
2004	36	3	8	2	8	9	22	10	49 **
2005	29	1	9	–	3	8	22	6	39 ***
Итого:	65	4	17	2	11	17	44	16	88

* При составлении таблицы были использованы данные, предоставленные автору зав. отделом гуманитарных и общественных наук ВАК РФ Н. И. Загузовым.

** 13 человек из этого числа, или 26,5 % – женщины, 2 человека – из стран СНГ.

*** 10 человек из этого числа, или 25,6 % – женщины.

То, что в академических институтах и в прошлые годы, и теперь так мало внимания уделяют специальности 23.00.01 и, соответственно, истории и особенно *теории* политической науки, это удивляет и наводит на размышления определенного свойства. Если к этому добавить, что по сравнению с ситуацией 5-летней давности, характеризовавшейся низкой результативностью академических диссоветов, сегодняшняя ситуация недалеко ушла вперед, то картина станет еще более озадачивающей. Основной причиной такого состояния академической науки в 90-е гг. прошлого века, как известно, являлось недостаточное внимание и поддержка со стороны государства. В последние годы положение стало выправляться, но пока это не отразилось на результативности академической науки в части политологии.

Пока же академические институты в области развития политической теории выручают вузы, в первую очередь московские. В 13 из 26 политологических диссоветов г. Москвы к защите принимаются диссертации и по 01-й, и по 02-й специальностям. Из этих 13 пять работают в МГУ им. М. В. Ломоносова, что весьма оправдано, так как этот вуз был всегда известен и как крупный центр теоретических исследований, и как важный центр прикладной науки. А без развития теории плодотворное развитие и науки в целом, и прикладной, в частности, немислимо.

В крупных региональных вузах, судя по всему, это также хорошо понимают. Из 23 диссоветов, работающих здесь, в 9 мы также видим сочетание 01-й и 02-й специальностей. Это не так «густо», как в Москве, но в целом тоже неплохо. Тем более, что 7 из 9 диссоветов, о которых идет речь, действуют в государственных университетах: Санкт-Петербургском (два), Башкирском, Дальневосточном, Кубанском, Ростовском (на Дону) и Саратовском. Остальные два работают в академиях госслужбы – Северо-Западной (Санкт-Петербург) и Северо-Кавказской (Ростов-на-Дону).

Если рассматривать всю диссертационную сеть в академиях госслужбы, начиная с головной – Российской академии госслужбы при Президенте РФ, дислоцирующейся в г. Москве, где в одном из трех советов также присутствуют и 01-я, и 02-я специальности, – то в трех из семи мы также наблюдаем такое

благоприятное для нашей науки сочетание. Представляется, что его следует расширять и дальше, превращая и академические институты, и госуниверситеты (особенно регионального значения) в крупные центры политической науки. В этом есть потребность, как для теории науки, так и для политической практики. Для этого, кроме всего прочего, созрели и достаточно благоприятные условия, в том числе кадровые.

В-четвертых, анализ персонального состава диссоветов показывает, что число докторов и кандидатов политических наук в них, хотя и медленно, но растет. Пока, тем не менее, в руководстве советами преобладают доктора философских, исторических и юридических наук. Так, в 27 советах их 67 председательствуют доктора философских наук, в 26 – доктора исторических наук, в 10 (уже!) – доктора политических наук, в остальных 4-х – юридических или социологических наук. Еще несколько лет назад председательство доктора политических наук было, по естественным причинам, большой редкостью, теперь это уже почти норма. Похожая картина и в составах советов.

Однако, не следует стремиться к тотальному доминированию профессиональных политологов в политологических диссоветах. Неформальное участие представителей других общественных наук также весьма полезно.

Следующее, *пятое* по счету, замечание сводится к тому, что *процесс и опыт поэтапной трансформации* диссоветов из кандидатских в докторские вполне обоснованы. Работая несколько лет в кандидатском состоянии и статусе, совет не только набирается опыта и ответственности, но и обрастает необходимой для докторского совета инфраструктурой и высококвалифицированными кадрами. Вместе с этим он проходит проверку на эффективность. По прошествии нескольких лет (например, пяти, которые кажутся нам оптимальными) и подготовки всех необходимых предпосылок для перехода на более высокую докторскую ступень, можно начинать процедуру повышения статуса, и такой *естественный* рост вполне себя оправдывает.

Наконец, *шестое* замечание по диссоветам связано с тем, что в основных политологических центрах – МГУ им. М. В. Ломоносова, РАГС при Президенте РФ, а также в

некоторых крупных госуниверситетах при соответствующих кафедрах пора уже создавать лаборатории комплексного мониторинга и координации политологических исследований. Это не потребует больших денег и усилий, но польза для науки будет, безусловно, ощутимая. Спорадические меры уже недостаточны.

Такие лаборатории должны, как представляется, не только регулярно анализировать и обобщать состояние и направления развития политической науки в своих центрах, но и вырабатывать соответствующие рекомендации для руководства советов, кафедр и т. д. по развитию науки. Нет ничего плохого в том, если наука развивается не самотеком, не стихийно, а целенаправленно во взаимосвязи с потребностями жизни.

Какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Во-первых, политическая наука в России развивается и количественно, и качественно. Это происходит повсеместно – и в Москве, и в регионах, хотя, конечно же, не везде одинаково интенсивно.

Во-вторых, во многих наших регионах образуются оригинальные исследовательские центры, развивающие конкретные научные направления, связанные, как правило, со спецификой этих регионов.

В-третьих, ярко выраженное прикладное значение политической науки повсюду получает подтверждение. Не случайно, львиная доля диссертаций защищается по специальности 23.00.02 и крайне мало по 01-й специальности.

Как обычно случается, развитие выявляет и проблемы, и нерешенные задачи. Какие же проблемы выявились у отечественной политической науки?

О некоторых из них речь уже шла в начале этой статьи, и повторяться нет смысла. Это были естественные проблемы становления роста новой для нас науки, и таковыми в определенной мере они остаются и теперь. Правда, острота их со временем, по мере развития становится менее очевидной и постепенно сглаживается. Например, доля женщин среди профессиональных политологов и ученых-политологов, хотя и медленно, но устойчиво растет.

Однако наряду с естественными проблемами есть и проблемы другого происхожде-

ния, так сказать, рукотворные, появление которых можно было бы легко избежать. Одной из таких проблем (весьма, кстати, важных) является *радикальная и достаточно частая корректировка номенклатуры научных специальностей*. За недолгую историю отечественной политологии их было уже три. Что это влечет за собой, всем известно.

Ясно понимая, что *определенная* корректировка номенклатуры в соответствии с требованиями времени – дело для науки необходимое и полезное, экспертный совет весной прошлого года после многих и весьма основательных консультаций с научной общественностью предложил внести некоторые коррективы в действующую номенклатуру. Суть их, прежде всего, в том, чтобы восстановить в несколько уточненном виде специальности 23.00.03 и 23.00.05, а также в том, чтобы уточнить действующие, в первую очередь специальность 23.00.02, которая при реорганизации в январе 2000 г. стала слишком широкой. Мы предложили вернуть ей первоначальное название – «Политические институты и процессы». Кроме того, учитывая важность управления и политических технологий, экспертный совет поставил вопрос о введении новой специальности – 23.00.06 – «Политическое управление и политические технологии». Мы убеждены в том, что если высокие чиновники, от которых зависит решение данного вопроса, примут во внимание позицию научной общественности, лучше станет и науке, и практике.

Существуют и другие проблемы, которые можно было бы (и надо было бы) не создавать, чтобы не усложнять ситуацию.

В целом же, несмотря на некоторые нерешенные проблемы, *политическая наука у нас в России шаг за шагом развивается, ее общественная полезность растет, развиваются международные связи*, что было констатировано на IV политологическом конгрессе, состоявшемся 20–22 октября 2006 г. в г. Москве.

1. Собрание постановлений Правительства СССР (отдел первый). 1987. № 24. С. 498. П. 6.
2. Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989. № 3. С. 18.
3. Политическая наука в России. Вып. 1: сб. обзоров. М., 1993. С. 6.
4. Независимая газета. 1998. 5 февр.

5. *Шестопал Е.Б.* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 1. С. 84-85.
6. Известия. 2003. 22 марта.

Поступила в редакцию 21.09.2006 г.
Принята к печати 27.10.2006 г.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИЙСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В.И. Коваленко

Kovalenko V.I. Teaching political science in Russian institutions of higher education. The article shows the contemporary situation in the sphere of political science in institutions of higher education of the country. Being the supervisor of the specialty "Political science" in teachers' association of higher institutions of classical university education, the author is the head of the working group creating government standard of modern type in political science. He shares the exclusive information about the process and the results of his work.

Говорят, что политология в России – молодая наука. Это верно лишь отчасти. Политическая мысль России восходит еще к XI в. («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). И далее русская политическая мысль развивала себя в интересных и вполне оригинальных конструкциях. Если говорить о политологии как университетской науке, то она также имеет свою историю. Еще в ноябре 1804 г. в Московском университете было конституировано отделение (факультет) морально-политических наук. Такой симбиоз морали и политики соответствовал духовному строю российской интеллигенции, всегда отстаивавшей чувства высочайшей гражданственности и ответственности перед страной и народом. И хотя в дальнейшем имели место многочисленные структурные перестройки, такие настроения в стране не прерывались, равно как не было прервано и развитие здесь политической мысли.

В современном смысле политологии в России как самостоятельному направлению университетского знания – чуть менее двадцати лет. За эти годы в России созданы развернутые политологические структуры. На настоящий момент в различных городах страны функционируют 45 факультетов, отделений и выпускающих кафедр (10 – в Москве, по три – в Санкт-Петербурге и Саратове, две – во Владивостоке, по одной – в Астрахани, Воронеже, Екатеринбурге, Краснодаре, Ростове, Тамбове, Туле, Улан-Удэ, Ярославле и других городах). Около 200 кафедр от-

крыто в непрофильных вузах. В декабре 2005 г. создана Национальная коллегия политологов-преподавателей, объединяющая всех политологов страны и выступающая как совместный орган УМО, НМС и РАПН.

Политологи сегодня разрабатывают широкий круг вопросов, которые связаны с осмыслением специфических черт политической среды и «человека политического», их влияния на развитие общества и его отдельных компонентов; с анализом основных тенденций современного мирового политического процесса и перспектив глобальных социально-политических изменений; с совершенствованием понятийно-категориального аппарата и методологического инструментария политической науки; с развитием техники эмпирических политических исследований, способов и методов политической мобилизации. Политология сегодня ввела в активный научный оборот такие понятия, как национальные интересы, национальная безопасность, реальный суверенитет и др.

И все же опыт семнадцати лет заставляет нас задуматься о новых и сложных проблемах, само определение которых, принципы и пути их решения будут определять траектории нашего дальнейшего развития. Тем более, что все это непосредственным образом связано с задачами вхождения России в Болонский процесс, модернизацией системы образования, осуществляющейся в стране уже в течение ряда лет.